

Андрей ТАВРОВ

Андрей Таиров родился в городе Ростов-на-Дону в 1948 году. Окончил филологический факультет МГУ по отделению русской филологии в 1971 году. Автор более 20 книг стихов и прозы, публикаций в журналах («Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Воздух», «Урал», «Арион», «Новая Юность» и др.), участвовал в ряде поэтических антологий. Лауреат большой премии «Московский наблюдатель» (2017), премии Андрея Белого (2019). В «Волге» публикуется с 2015 года.

ИЗ ЦИКЛА «ПРОЩАНИЕ С КЬЕРКЕГОРОМ: ВАРИАНТ ЕДИНИЦЫ»

Уточнение

Цикл стихотворений «Прощание с Кьеркегором: вариант единицы» построен таким образом, что стихи, относящиеся к жизни и идеям великого философа-экзистенциалиста Сёрена Кьеркегора, перемежаются речитативами, соотнесёнными с его знаменитой книгой «Страх и трепет», переведённой на русский Наташей Исаевой и обращённой к евангельскому сюжету жертвоприношения Авраамом сына Исаака.

Отмечу, что речитативы читаются снизу вверх и слева направо, продолжая авторскую практику «Шестистиший» («Обратных композиций»), стихотворений, построенных наподобие китайских гексаграмм из книги Ицзин, состоящих из шести уровней каждая и считывающихся снизу вверх.

Стихи цикла в ряде случаев затруднены непривычными в русской просодии размерами, это отчасти ямбы и хореи, превышающие свой обычный шестистопный максимум; поэтика стихов неяркая, сбивчивая, порой на грани косноязычия, возможно, невольно ориентирующаяся на высказывание Василия Великого: «О Боге мы можем только лепетать».

Весь цикл рассчитан на внутреннее исполнительство и составляет Единицу текста.

Ландшафт

И роща и кричит скачи сюда
серебрян воздух с заячьей губой
на одноногом мерине слюда
и он летит убитой головой

бескрылых галок низкие сады
и эхо ширится о четырёх руках
сдвигая дерево с поверхности воды
и удлиняя выстрелы в лугах

монах считает чётки, наверху
убитый человек уходит в синь
глаза его в снегу
вокруг него горит бензин

а бабочка бездонная летит
и вывернута в бытие без дна,

вещей не трогая, их бездной шевелит,
ты знать не можешь где она

один у рыцаря бессмертный глаз
и смерть впадает в море за плечом
Христос упал с бревном в последний раз
и смотрит на тебя твоим лицом

кот голову свою несёт как снег
охотник деве сердце прострелил
и замерзает лёд, и человек
заряженным ружьём стоит белей белил

Сначала человек

Сначала человек – недочеловек, потом впадает в эрос, эстетическая стадия, потом берёт на себя ответственность за будущее, стадия этики, и третья – религиозная, где он утыкается в невозможное и в абсурд,

а господин Кьеркегор ходит по островам, смотрит на чаек,
охватывает

себя грудью чтоб не разлететься в стороны
исписывает тонны бумаги наводит размытое христианство на резкость
ах небес без пыжей нарезка
ах облаков драная (сменить-сменить!) занавеска

вот стоит господин не раскрыв зонта
похож на птицу без рта
взъерошен перо из бока торчит
на сердце ужас, в губах горчит

когда так стоишь в страхе как в дожде а всё думаешь о нежном дуновении зефире
пробирающемся под корсажи
и как колышась юбками девицы
идут против ветра с моря окутанные грацией, а Бог
говорит убей ради меня фрекен Ольстер или
себя убей ибо кто вынесет голос вечности, будучи фрагментом с зонтом среди луж
тёмная лужа с
кругами от капель
и стоит в тебе одноногий ужас
как стая цапель
на длинной ноге, выпуклых, надувных
среди влажных губных
булькающих,
так стоишь у лужи, белым зонтом растёшь
выше выше и уже, на прежнего не похож
нащупываешь в сердце нож

а ты есть белый нераскрытый зонт
стоящий на попа посередине Бога

хоть это больно а кричит другой

за каналом-рекой
падая в лужу в ангельском хороводе
взмахнув рукой

господин Кьеркегор состоящий из линз мокрых губ и носа идёт домой на Ниторв,
29 всхлипывая от бесконечности приводящей любую форму к нулю

идёт
единственный
единичный

У чаек сбоку виден один глаз
Звериного хихиканья у зверей не бывает
Белый, отвисает со шрамом живот проститутки

Конь

На дальних звуках звуковых
у эллипса из сжатой точки
идёшь на мышцах беговых
своей дистанции источник

пуская мускул на разрыв
ты в бег как в озеро заходишь
не всколыхнёшь и не закроешь
его недвижные костры

ты вложен в луч патроном роц
размножен цинковым ознобом
ты имя чащ, стеклянных круч
ты вышел к световым основам

недостижимый, словно центр
второй в тебе утратил эллипс —
ты в небо вытянут не целясь
будто разбитой лампы свет

и центр обгонит центр в тебе
и вывернутым станешь светом
себя найдя, себе неведом
играя слово на трубе.

...

> Третий речитатив

с ослом, а я и сын пойдём туда и
ам отрокам своим: останьтесь вы здесь
дел то место издалека, и сказал Авра
день Авраам возвёл очи свои, и уви
о котором сказал ему Бог. На третий

всесожжения. И встав пошёл на место

Единорог

Пароход с высокой трубой
плывёт по реке а Сёрен смотрит
из трубы дым и фигуры
а Сёрен смотрит

Я хочу видеть правду думает Сёрен
не все эти призраки и коды
а правду как она есть

На корме парохода барышня в голубом платье
гарь из трубы её обходит

просто Правду, одну на всех – на кошку
на дельфина и на торговца рыбой

∞ ∞ ∞

треугольник квадрат шар

ни утверждений ни слов только
серую прекрасную истину

не усидеть на раскладном стульчике
шар сфера никарагуа
тишина бьёт точнее пули

.....

отхожее место

К Сёрену подходит единорог
кладёт голову ему на колени
как девушке
говорит тишина и молчит
 как умеет
 всем собой
витой его рог – внутренняя форма слова
ввинченная в тишь слышно
падение листа в сердце Сёрена
мой зверь

плывёт пароход с трубой
шар завитушка улитка

Сёрен пронизан правдой
Ангелом чист Иаков
не сливаясь проигрывая
небу листу единорогу

меж пароходом и Сёренем 1 миля и 3 дюйма
 меж единорогом и Сёренем 1,5 фута
 меж правдой и миром поёт птичка

николаю больно и наталье страшно

под горбом на спине беснуется
 плюётся гребное колесо
 в пене выезжая в звёздный ковш

и пароход плывёт и дышит дымом,
 загадочным, неистребимым

> Четвёртый речитатив

под ножом отражающим нас
 стекла это мы лежим шарики
 крови все мы шарики из
 дом из них хоть из плоти и
 из стекла в Исааке и он в каж
 трое суток с Исааком шарики

Двое

Он стоит одной ногой на черепахе, а другой
 он стоит на пристани, на тверди, на волне
 и играет в небо искривлённою трубой,
 весь в сполохах, жгучих искрах и в огне.

Вот плывёт к нему ставридою левиафан,
 а на нём шарманщик крутит музыку любви,
 в небеса бьёт страшный апокалипсис-фонтан,
 в море плавают, сгорая, лебеди и корабли.

На печной трубе сидит скрипач, летает в небе скрипка –
 одинокой девочкой по воздуху летит
 струны из груди поют и гул от рынка
 звуковые коридоры шевелит

Он летит её отсутствие обняв как воздух
 где исчезло тело в Геркулануме сгорев,
 в нишу от неё совпав ложится гол и розов
 как в футляр от контрабаса сжатый лев.

А она в его воздушную ложится нишу
 совпадая гибким телом гимнастки –
 над левиафаном двое перевитые парят
 и друг в друге светом несгораемым горят

из пустот мы состоим со вложенным другим
и в другого вложены живою пустотой
мы ли дышим бережно и медленно храним
этот шар воздушный с тихой арией двойной

А прибор внизу свистит как крысолов
ты в улитку заходя вернёшься с головой
Минотавра, полной тёмных роз и сокровенных слов
и уснёшь на берегу, убитый и живой.

Обморок свободы

В стеклянных шариках и улица, и порт
и конь с извозчиком, что спит с погасшей трубкой,
чуть тронь – посыплется и не произойдёт
ни шпиля кирпичи, ни девицы хрупкой.

Не тронь, не прикоснись, не выдохни, замри,
заденешь – брызнет, рухнет, побежит
и сад, и площадь, дом и фонари,
ничто себе здесь не принадлежит –

лишь шарики с твоим лицом внутри,
пакгауз с доком, с пароходною трубой –
все бусинки, все нолики, нули
и не понять, кто ходит в них живой.

Что держит их, рисующих вокруг
театр и мачты, дом, подъезд, окно
(иди и не заметь), рисующих старух
и дворника, и флаг, и музыканта, но

вглядись в один из них, в стеклянный шар
в попытке рассмотреть скривлённое чело
и различи начало всех начал –
себя и ничего, её и ничего.

Средь Исаака с Авраамом

Средь Исаака с Авраамом – что за тишь!
как будто из груди достали полый шар
и весь раздали людям и животным

летит меж фонарей аэроплан
и губы догоняют слово
взлетевшее над Авраамом как голубка Ноя
что смотрит на него глазами человека
который вышел из себя будто из гроба
и говорит: Спасенье!

Тишина

плывёт по скатам крыш и по садам
по пирсу по ступенькам по следам
людей что здесь прошли по тёмным паркам
по ярким свечкам и по их огаркам
в ушке иголки тишь, стоит в зенице ока
у колоннады липы у порога

Тишь там, где Исаак и Авраам.
Там, где они, там тишина до звона
в ушах, в тиши летит к луне ворона,
в исподнем женщина бежит, и рот открыт
безмолвный Эвр ей кудри шевелит,
и Исаак молчит, и Авраам,
и раковина и пустынный храм –

так в мире начиналось слово правды,
как эллипс выступившее наружу первым центром
и скрытое вторым потусторонним
и циркуль в пальцах Ангела сверкал
и Сёрен Кьеркегор челом горел как лампой
и парком шёл огню и птице равный
и в суть кричал и пел и проникал

Снигирь

Снигирь, расплющись по лучу
проговори мне свет
себя тобой я научу
бросать снежок вослед

вослед себя брось ал снежок
рукой спины поймай
раздвинься в луч, сожмись в висок
зайди себя за край

длиннее света птичий шар
а речь его Катулл
в сердечный дюйм прошёл пожар
и уголь в слог раздул

И речь и свет другого нет
другого не хочу
в снегу снигирь и в лампе свет
и снег колюч лучу

Из сердца выпорхнет снигирь
а из груди Катулл
и грудью важничать пойдут
читать стихи начнут

И лодка без весла плывёт
в ней все, кто был убит
и свечка тихо на корме
Державиным горит

Сёрен видит

Вот лев идёт и в нём Христос как колба с тишиной
вот раковиною головы ползёт по золотой доске улитка
в ней он живёт, вот камень, что лежит и дышит, он живой
в нём космос со звездой дрожит пронзив его как нитка

кольцо живое головы – оно качается в просторе
и аура с эфиром скрыты там под ношеным пальто седого человека –
там птица сильная летит там плещет звуком море
они другие тут, они, что были до времён и до пространств от века

вот богочеловек и боговолк и богомотылёк
все соединены в себя и в Бога с его разбитой бедной головой
светящей миру вывернутым светом в потолок
что полом стал им в комнате живой

без стен их тело, все они раздвинуты и плыли
был богоаист больше всей безмерности полей
и проплывал в ушко иголки он верблюдом головы своей
и в нём планеты с солнцем шли и как дитя парили

А рана каждая Христа – им строила миры
в том доме, что стенами смотрит внутрь как будто бы глазами
и крови брызги линзой мир вращали вверх ногами
и колба с тишиной стояла на столе в любом жилище

два круга тут живут – один глухой подручный и немедлен
другой как будто пели рыбы ангелы и брёвна изб
старуха там стоит в пальто одетою кометой
им подпевая как оси земной сердечный гармонист

а он идёт, избит, оплёван и изодран,
и тишь плывёт в аэропортах рыбой,
один на всех живых, всех тел их нераздельный орган,
в дожде стучащий световой грудною глыбой,

а в городе вообще шёл человек вообще
с руками как цветок в поношенном плаще
и слушал шум дождя и нюхал свой цветок
до кости он прозрел до сердца он промок
...

> Шестой речитатив

режешь ей красное грудное горло

пока ты под взглядом Бога
впрыгнула овечка и смотрит на тебя
смотришь на сына в грудь которого
и сам ты ушёл и разорвав себе сердце
есть камень из которого время ушло

Парки

В глотке у льва горацанские строфы
снег над бронзовыми крыльями забирает вкось
у подстреленной антилопы
перемигнула земная ось

Раз, два, три, ты стоишь в парке ничего не вешишь
четыре-пять, единица без болтовни большинства
с каким ангелом сражается в море крейсер,
выдерживая, один, абсолютный взгляд абсолютного божества

ты стоишь в парке где дверь затворила Лика
где Эвноя прятала губы на дно колодца
четырёхгуб и лоскутен помесь судьбы и крика
слышишь как бьётся оно, оно всё ещё бьётся.

Города взаимозаменяемы в отличие от человека
Гораций ловит снежинку в стакан с вином
лицо светло от упавшего утром снега
как будто умылся и вытерся белым льном

Дыхание затруднённой когда больше свободы и Бога
когда между снежинок мертвеющим ртом
гудишь эгейской раковиной не выговаривая ненужного слога
тишина – это в горло ушедший за словом гром.

Ничего нет, кроме тебя, и тебя нет тоже
прежнего, вещи вокруг – только клыки и нимбы,
ты идёшь и стучишь тростью по прутьям ограды,
боже, уйми мой вопль, боже, уйми мой вопль!

Дева наденет сегодня плащ – в снегу белокурые косы
не замочи, я один на мёрзлом пороге стою

Философия начинается с отчаяния.
Человек, как и Бог, начинается ни с чего.
Сёрен спустится в порт, пройдёт по Стрёгет,
зайдёт в королевский парк,
никого не видит сквозь призмы очков, его шелестит чело.

Бродячий музыкант играет на тростниковой флейте,

эзистировать — значит боль и ночной фонарь,
вычитающий из себя всё остальное,
а ты всё ещё жив и смотришь на него из окна,
а он на тебя, непереволим, драгоценен.

Пароход и цветок путешествуют себя внутрь
тысячи миль, утончаясь формой в запах фиалки,
проходят тысячу запудренных светом утр,
достигая себя, как безрукий шелчка зажигалки.

Внутренний горизонт отодвигается,
цветок становится всем,
бог из него глядит – на себя в тебе,
пароход выступает трубой из воздушных вен,
единое слово расширяется в ауре и тепле.

Нет конца человеку в форме без форм,
трубит первому снегу серебряный горн,
ты – это любовь с радиусом больше предела
суммы галактик, с которых сова улетела,
человек ходит без тела.

Сёрен входит в самого себя, непостижим, –
в чистый свет, в неартикулируемое слово,
в пространство начал, как оно, в ничто раздвижим,
в без бытия бытие, во всё без всего остального.

Как же смотрят они теперь – парк и забор,
снег из россии, посеребрённые крыши и лица,
белый агнец снежинок,
 застрявший в ветвях с этих пор,
Библии на «Бытии» заложенная страница!

Эрос Эстергаде

Кто такой человек голубая накидка
белый капор навывлет такой человек
белой ножкой прыгаешь из кареты
кто такой человек кто с тобой мы такие

отчего собирается страх по коленным
чашечкам, в черепа чаше и в чаше бум-бум
сердца ужасного в кубе каретном
никнет пустующий Сёрена-ласточки ум.

Куб опустел как ладони без бабочки
как бассейн откуда ушла на колёсах вода
и остались от голого плоские тапочки
кто такой человек где его города?

меж собой и собой Сёрен ходит в Регине

меж губой и губой стеклянит своё слово
выступает из девы холмами груди
когда дышит она головами обоих

в шар Платона сомкнулись лепестками из губ
замыкаясь в гудящую розу с пчелой
мальчик-ужас гуляет в органе без труб
кукла телом торгует и белым челом

вот сотри две черты кто такой человек
жаркой свастики – нижнюю и наверху
глянет символ соитья его силомер
вертикальный платон на двоих на ветру

я себя разбивал на хрусталь и кремь
на путь вправо и белой охапкой цветов
я лежал Исаак, белый словно ремень –
под ножом миру кожный дрожащий покров

я был устрице верх перламутровый створ
ты же впадина – часть без себя
посредине – Пьеро, удвоения вор
нас слипая сминая слепя

куб кареты пустой Эстергаде поёт
и костёр на валу вверх корнями как зуб
запредельного неба растёт и полёт
вяжет ангел в груди молодой

Стекло бегемота

1

стеклянная сфера невыносима
свириее льва, богам одолеть её невозможно
радиусы не сравнить –
ускользают в другой

2

сёрен замечает, выйдя из осеннего сквера,
что он – сфера
с пристанью, складами, цейхгаузами, парками, девушками, стеклянными
лягушками, падающими листьями, сердцебиением, ежедневным отчаянием

«я буду спрашивать тебя, а ты объясняй мне»,
и он объясняет, вглядывается молча в свою
стеклянную сферу

он ищет меру
на земле человекам

и путешествует в следующую сферу себя с меньшим радиусом, в котором
парк и брусчатка, оперная ария и скрип клёна, возможно,
ангел и дальше –
он в меньшей сфере, и дальше в ещё меньшей, и нет им конца,
прозрачные, вложены одна в другую

год за годом он уменьшался летели листья пахло смолой

акции падали звери в зоопарках забыли свои имена пластик заполнил океаны
самолёты не узнавали своих пастухов

пространство на манер матрёшки он словно летел в пустоту
расправив худые руки
открыв рот с большими зубами

шары уменьшались конца им не было

но из-за парка вышел парк
как карту сдвинули с другой
А из-за шпиля вышел шпиль
А из-за продавца крабов – продавец крабов
А из-за Сёрена Обю вышел иной Сёрен Обю

в скрипках осени по скверу с фонтаном
он танцует вальс
в самом последнем кружась меньшим ногтя и даже молекулы
в скрипках осени в ничто он танцует вальс с Региной Ольсен

в этом месте нет ничего или говоря по-другому есть всё
кроме обмана
обратная кровь в висках и свобода

«вот бегемот которого Я создал, как и тебя,
вот сила в чреслах его и крепость»

нельзя пойти дальше ничто

думает Сёрен но ждёт
появления Абсурда

тем временем
в последней сфере тонет парусник
с 12 матросами и грузом льна на борту

Мячи

Мечи в меня мячи, Эвноя,
из их воздушных коридоров
наделают боги новых сирен и эльфов
я же сложу их в один объём невесомый

вложу в тебя двойника твоего же
и потеряешь ты вес и злой норов и все капризы
будем лететь обнявшись в прозрачный воздух
как трепетные листья клёнов в осенних парках

Опадают они среди фонтанов и статуй,
но мы отныне летим вечной весной несомы –
в сердце времён время недвижно
и струя фонтана застыла

> Седьмой речитатив

ственного твоего для Меня
Бога и не пожалел сына твоего един
теперь я знаю что боишься ты
не поднимай руки своей на отрока
нему с неба и сказал: Авраам! Авраам!
Но ангел господень воззвал к

Синица

когда осколком колокол
выходит из себя, танцуя танго
не наступая на подол
я чувствую как будто я синица
в груди моей тайфун кружится
я весь пернатая ладонь а воздух
воздухоплавателем стал

стоит небес расширенный кристалл
и баржа с мёртвыми плывёт
синица на корме поёт
что шар земной похож на волка
что в звёздном стоге он иголка
и нищий тянет сквозь ушко
себя как книгу всю в огне
а мать рожает в мир ребёнка
а он не хочет и кричит
и жизни-смерти перепонка
за ухом у него как шёлк

заборы тянутся и строится вокзал
смартфон шипит и мажет светом лица
и на корме с убитыми синица
поёт что Данте ей недосказал

Прощание с Сёрен

Если вынуть тело из воздуха
останется Сёрен Обю
с проросшей в воздушной яме розой

Если вынуть ратушу и кирху
останутся два воздушных айсберга
плывущих в ветре

твоя из воздуха могила
плывёт как лодка в плеске вёсел
чтоб был ты жив и был ты весел
и слеплен был из чернозёма

зачем ты на рассвете пел в трубу
и на губах качались маргаритки
и голова подобием улитки
ворочала тебя в твоём гробу

О рыцарь трепетный сознания
тебе бы мотыльком сражаться
бросаться в свечку в три касанья
и словно дева обнажаться

и ехать в город на осле
и выговаривая собственные губы
и тело, и скелет кидаться в трубы
органa собранного из человеческих длинных тел

Звезде есть имя, дню – предел
но беспределен твой Абсурд
он как слеза растёт вверх из глаза,
наоборотен словно ваза
с цветами, что её несут

махни махни рукою без руки
и грудью без груди вдохни глубоко,
твоё без ока видит розу око
и под стопой могилы глубоки

они шевелятся чтоб встать цветком и словом
губами шевелить и правду рассказать
и в воздухе невидимо летать,
простёганном как парус и суровом

Прижми их к сердцу, грудью бос
и так жужжа гнездом воскресших ос
иди по улице где ест стекло извозчик
минуя дам минуя прочих

Ты ямой начат шаром сжат,
глаголом свит лежишь у стенки
хватая сердце и коленки

как туфли на боку лежат

Себастьян

Стрела летела как траншея
открыта тяжести воздушной
и воздух в ней твердел и осыпался

А он стоит навстречу и открыт как рана
и стрелы в воздухе идут к нему и дышат
а он в цилиндре и с разбитыми очками
не замечает ни стрелы и ни стеклянных трещин

во рвах своих он ходит голый и поёт
как будто он не Себастьян а Даниил
и медленный стрелы полёт
бьёт как родник из тьмы подземных жил

и он рыдает как петух, что мечется недвижно
разыскивая голову, и гребень
ему спускается на темя,
шепча: ку-ку-ре-ку.

А он стоит на тающем снегу
и от него отходят пароходы
стеклянные минуя воды на пути в Вест-Индию

и Шлегель, господин посол, стоит с Региной на корме,
внутри орла летит орёл, тот, что летит в орле,
и крот поёт румынские стихи прибою и Овидию.

Регина, потерявшая уста, по палубе всё бродит и поёт
про розмарин, укроп, и [1855 год, 17 марта] рыба пьёт
печаль и пламя у неё из рук,
дельфин к словам летит как тяжкий звук.

А он стоит как знамя в ветре гол и прям
напротив ратуши на площади
среди воздушных непослушных ям
куда ныряют оком лошади –

удод урод кивал кричал сказал
ресницей выпал выбыл умер умирал

> Восьмой речитатив [Ладонь Кьеркегора]

слышит хлопок себя – ладонь Сёрена
скрытая в ней. Человек пробуждаясь
без другой, суть любой вещи – эта ладонь,

несущей свечу, хлопающей в опере
из себя одной ладонью Кьеркегора,
белка на каштане выступает